

ГИПОТЕЗА О РАЗУМНОМ РАВЕНСТВЕ В СВОБОДЕ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

© 2023 г. А. Р. Гильмуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.02.2022 г.

Аннотация. В центре внимания автора – рациональное равенство в свободе, рассматриваемое как одно из существенных признаков определенного типа правопонимания.

Особый акцент в работе сделан на фундаментальные основания юридической свободы, становление и развитие которой, по мнению автора, происходило в результате эволюционного исключения и сокращения нежизнеспособных, разрушительных для общественного устройства моделей человеческого поведения – разумного отбора. Именно разумный отбор показал, что единственным детищем культуры всего человечества, способным стать разумным средством обеспечения безопасной и эффективной реализации потребностей человека, является право, выражающее определенную свободу, в основе которой – императив сохранения природы человека.

Автором обосновывается следующий тезис: чтобы каждый мог претендовать на свободу, основанную на императиве сохранения природы человека, то есть для достижения разумного равенства в свободе, такая свобода должна быть выражена в равной форме, посредством которой будет обеспечено одинаковое и нормативное распределение таковых свобод.

В результате анализа сформулированы основные выводы о том, что право, существенные признаки которого исходят из основания свободы – императива сохранения природы человека, реализуемого на основе равной формы, может быть интерпретировано с иной точки зрения – рационально-эгалитарной, базирующейся на обеспечении рационального равенства в процессе регуляции общественных отношений.

Ключевые слова: разумное равенство, правопонимание, рационально-эгалитарная теория, правовая свобода, разумный отбор, императив сохранения природы человека.

Цитирование: Гильмуллин А. Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 162–167.

DOI: 10.31857/S102694520024141-6

THE HYPOTHESIS OF REASONABLE EQUALITY IN FREEDOM: BASIC PROVISIONS

© 2023 A. R. Gilmullin

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Received 24.02.2022

Abstract. The author focuses on rational equality in freedom, considered as one of the essential features of a certain type of legal understanding.

Special emphasis in the work is placed on the fundamental foundations of legal freedom, the formation and development of which, according to the author, occurred as a result of the evolutionary exclusion and reduction of non-viable, destructive to the social structure of human behavior models – reasonable selection. It is reasonable selection that has shown that the only brainchild of the culture of all mankind that can become a reasonable means of ensuring the safe and effective realization of human needs is a right expressing a certain freedom, which is based on the imperative of preserving human nature.

The author substantiates the following thesis: in order for everyone to claim freedom based on the imperative of preserving human nature, that is, in order to achieve reasonable equality in freedom, such freedom must be expressed in an equal form, through which the same and normative distribution of such freedoms will be ensured. As a result of the analysis, the main conclusions are formulated that the right, the essential features of which come from the foundation of freedom — the imperative of preserving human nature, implemented on the basis of an equal form, can be interpreted from a different point of view — rationally egalitarian, based on ensuring rational equality in the process of regulating social relations.

Key words: reasonable equality, legal understanding, rational-egalitarian theory, legal freedom, reasonable selection, imperative of preserving human nature.

For citation: *Gilmullin, A.R. (2023). The hypothesis of reasonable equality in freedom: basic provisions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 162–167.*

Идея равенства имеет особое значение для современной юриспруденции как науки и играет ключевую роль в процессе установления цивилизованной и эффективной социальной коммуникации, построения справедливого общественно-политического устройства.

Одна часть исследователей придерживается точки зрения, что идея равенства является сущностной чертой права¹ и необходимым условием его существования². Другие же характеризуют данную идею в качестве принципа права, выступающего и целью, и средством, и результатом действия права³. Как известно, в рамках других социальных дисциплин идея равенства может трактоваться по-иному, могут ставиться иные цели, задачи и приоритеты, удовлетворяться другого рода потребности человека и достигаться иные результаты. В контексте юриспруденции при формулировке идеи равенства выделяются ее собственные (отличительные) онтологические, аксиологические и гносеологические аспекты и значения для социума и государства.

В современной правовой доктрине не достигнуто полного консенсуса в вопросах о том, что есть равенство в праве, а что противоречит данному явлению. Говоря об эмпирической практике, важно отметить, что на сегодняшний день идея равенства выражена, например, в таких фундаментальных документах международного уровня, как «Всеобщая декларация прав человека» (ст. 1, 7), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (преамбула, ст. 3, 7, 31), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (ст. 2), «Декларация о расе и расовых предрассудках» (преамбула и ст. 1), «Декларация о праве на развитие» (ст. 8) и проч. Что касается российской правовой системы, то здесь идея равенства также нашла свое отражение непосредственно в Основном Законе государства. В частности, об этом свидетельствуют формулировки в Конституции РФ: «равные возможности...» (ст. 20), «равный доступ...» (ст. 32), «равное право и обязанность...» (ст. 38), «каждому гарантируется...» (ст. 39, 44), «каждый имеет право...» (ст. 40, 41), «никто не может...» (ст. 47, 50), «никто не обязан...» (ст. 51), «наравне» (ст. 62). Аналогичные формулировки можно встретить в отечественном отраслевом законодательстве: «равные права и равные обязанности» (Семейный кодекс РФ), «равный

доступ» (Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 27.10.2020 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁴, «равства прав и свобод» (Уголовный кодекс РФ) и проч.

Возвращаясь к юридической науке, важно подчеркнуть, что историческое развитие доктринальных идей о равенстве в праве находилось в прямой зависимости от исследования онтологических аспектов права, а именно от доктринальных подходов (типов) к правопониманию. Идея равенства содержится во многих концепциях правопонимания и определениях права, данных теоретиками права. Так, согласно точке зрения В.С. Соловьева, право «есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»⁵. По мнению В.В. Лазарева и В.С. Афанасьева, право — это «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом»⁶. В соответствии с либертарно-юридической концепцией правопонимания право — «это форма отношений равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений»⁷.

В целом доминирующий подход (тип) к правопониманию оказывает существенное влияние на развитие юриспруденции как науки и на юридическую практику, в том числе на процессы формирования теории и догмы права, построения правовой системы, реализации правотворческой и правоприменительной деятельности. Не говоря уже о том, что отсутствие в теории права единой и универсальной концепции понимания того, что есть право, является серьезной преградой для построения и унификации всей общественно-правовой практики взаимодействия людей в государстве и мире.

Переходя непосредственно к освещению положений о разумном равенстве в свободе, остановимся на тезисе великого русского философа В.С. Соловьева о том, что «свобода есть необходимый субстрат или подлежащее права, а равенство — его необходимая форма»⁸.

В литературе нередко можно встретить вполне известные утверждения о том, что каждый человек в силу своей

¹ См.: Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 28.

² См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 20.

³ См.: Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи). Волгоград, 2005. С. 26.

⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 10, ст. 1152.

⁵ Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск; М., 2001. С. 20.

⁶ Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 15.

⁷ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2015. С. 29, 30.

⁸ Соловьев В.С. Указ. соч.

природы индивидуален и требует учета своих природных особенностей («любой индивид всегда уникален, как нет двух одинаковых капель дождя, так нет двух одинаковых людей. Люди равны как представители единого человеческого рода, но их природные и социальные свойства неодинаковы»⁹; «ясно, что ограничения свободы для малолетнего и взрослого, для психически больного и здорового не могут быть равны»¹⁰). Исходя из данных утверждений, вполне обоснованно возникают следующие вопросы: о каком равенстве идет речь: о том, которое обязывает всех подчиняться единой для всех норме закона (т.е. равенстве перед законом), или о равенстве субъектов в юридическом процессе (т.е. процессуальном равенстве сторон)? Задача юридического равенства ограничивается только этими проблемами? Как отмечается в научной литературе, «представление о равенстве предполагает его изучение и как общественного идеала, и в качестве реально действующего принципа организации жизнедеятельности людей, выраженного в виде соответствующей совокупности требований»¹¹. В аналогичном контексте высказывается и В.С. Соловьев: «В праве свобода каждого обусловлена не только равенством всех, но и действительными условиями самого равенства»¹². По нашему убеждению, прежде чем говорить о равенстве в юридической плоскости, необходимо определить, о равенстве в какой свободе, собственно говоря, идет речь; каково основание и содержание свободы, подлежащей уравниванию.

В целях раскрытия данного вопроса видится оправданным для начала обратить внимание на фундаментальные аспекты социального устройства и развития.

Как известно, становление и развитие представлений о юридической свободе было опосредовано эволюционными процессами развития социальных отношений, сопровождающимися расширением меры свободы и социального равенства, ограничением произвольно-властной регуляции, придания ей более предсказуемого и демократического характера.

Кроме того, если обратиться к закономерностям и признакам развития философско-правовых представлений мыслителей разных исторических эпох и цивилизаций (Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени) о правовых (справедливых) законах, которые были позитивно восприняты социумом и прошли испытание временем, то можно обнаружить, что данные представления содержали сведения (философско-правовые идеи, теории, конструкции) о построении определенных моделей социального поведения, за основу которых принята определенная рациональная свобода, а не вседозволенность и произвол.

По нашему убеждению, основание правовой свободы формировалось непосредственно в ходе исторического развития и проявления естественных признаков природы человека. В процессе своего развития человеку как комплексу рациональных и биологических свойств постепенно становился доступен разумный анализ возникающей социально-эмпирической практики и выбор безопасных, эффективных, соответствующих его природе моделей поведения. В частности, происходило разумное (объективное) исключение и сокращение нежизнеспособных, разрушительных для общественного устройства моделей человеческого

поведения — разумный отбор¹³. Как справедливо указывал Т. Гоббс, «человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством к ее сохранению»¹⁴. Именно та модель поведения и, следовательно, та мера свободы человека, которую разум определял как «положительную», т.е. безопасную и эффективную, со временем находила свое непосредственное отражение в мононормах социальных регуляторов, которые, как известно, в дальнейшем преобразовывались в официальные, общеобязательные предписания с государственным механизмом их реализации. Кроме того, в целях обеспечения устойчивых процессов жизнедеятельности и развития человека разумный отбор исключал из содержания юридической свободы разного рода факторы, ведущие к деструкции, деградации жизнедеятельности и подавлению процессов развития человека и общества. О том, как разумный отбор влиял на становление и развитие социальных норм, государственных форм организации и управления обществом, более подробно было изложено в предыдущих исследованиях¹⁵. На наш взгляд, в этой части анализа важно подчеркнуть следующее: разумный отбор показал, что человек на протяжении всей своей истории находился в динамическом процессе удовлетворения своих потребностей (интересов) и расширения своей свободы, тем самым непрерывно открывал для себя новые модели поведения, устанавливал новые стандарты человеческого общежития и создавал различные общественные институты (семья, государство, религия и право). А самое главное, разумный отбор продемонстрировал, что единственным детищем культуры всего человечества, способным стать рациональным средством обеспечения безопасной и эффективной реализации вышеприведенных потребностей человека, является право, выражающее определенную свободу, в основе которой — императив сохранения природы человека, выражающий требования по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого человека, т.е. требований, направленных не на разрушение (деградацию, насилие), а на рационально обоснованное поддержание жизнедеятельности и расширение человеческого потенциала. То есть императив сохранения природы человека выступает проявлением разумности равенства в свободе. Таким образом, далее при изложении положений о разумном равенстве в свободе под императивом сохранения природы человека предлагается понимать выведенное на основе закона разумного отбора (рациональности) категорическое требование (условие), выступающее единым (цельным) выражением социальных потребностей по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и рационального развития каждого человека, являющееся основанием для правовой свободы. Следовательно, под свободой в рамках настоящего анализа будет пониматься мера человеческого поведения, основанная на императиве сохранения природы человека.

Далее в целях логико-смыслового и последовательного раскрытия гипотезы о свободе, основанной на императиве сохранения природы человека, рассмотрим ее в контексте сопоставления со всеобщим принципом права И. Канта, нашедшим свое широкое признание в кругу современных исследователей и практиков в области права.

⁹ Жуков В.Н. Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 305.

¹⁰ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Лазарев В.М., Федорова В.Г. Указ. соч. С. 5.

¹² Соловьев В.С. Указ. соч.

¹³ См.: Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Вып. 1. Т. 21. С. 61–77.

¹⁴ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 98.

¹⁵ См., напр.: Гильмуллин А.Р. Указ. соч.

Так, по Канту, «прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»¹⁶. В обоснование своей гипотезы Кант приводит следующее суждение: «если мой поступок или вообще мое состояние совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом, то тот, кто препятствует мне в этом, неправ, ибо такое препятствие (противодействие) несовместимо со свободой, сообразной со всеобщим законом»¹⁷. Исходя из трактовки философа, свобода каждого, т.е. право, «совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом». Данное положение Канта, на наш взгляд, вызывает следующие вопросы: если свобода воли одних субъектов сталкивается со свободной волей других субъектов, как в таком случае определить, кто является нарушителем? И каким основанием следует руководствоваться при разрешении данной ситуации или спора? Ведь вполне очевидно, что представления о свободе основаны на субъективных началах каждого и могут представляться каждому как более объективные, справедливые, добросовестные и т.д. Также вполне естественно, что человек, являясь членом социума, в процессах жизнедеятельности и развития постоянно вступает в общественные отношения, в том числе вторгается в свободу другого человека, действует и бездействует, что нередко приводит к возникновению конфликтов и даже к преступным посягательствам на свободу другого. Как известно из теории уголовного права, деяния и поступки, как правило, совершаются умышленно (не только преступления) и неумышленно. Допустимо предположить, что каждый человек свой умышленный (неумышленный) поступок может воспринимать как выражение собственной свободы. Не исключено, что поступок одного субъекта, который вторгается в свободу другого субъекта, может иметь явный противоправный характер. Яркий тому пример — умышленное убийство как физическое вторжение одного человека в свободу другого, за совершение которого предусмотрена ответственность — уголовное наказание. Однако на практике нередко возникают юридические факты, имеющие социально сложный состав. В качестве примера можно рассмотреть актуальную для современной мировой правовой (в том числе судебной) практики ситуацию, связанную с правами меньшинств, а точнее — сексуальных меньшинств. В настоящее время возникшие на этой почве локальные социальные конфликты уже переросли в межгосударственные споры и требуют правового (рационального) разрешения. При разборе данной ситуации возникает закономерный вопрос: чья свобода вторгается в свободу другого: свобода меньшинств или свобода представителей традиционных ценностей, которые якобы навязали всем остальным свои ценности?! Одни (представители сексуальных меньшинств) настаивают на равенстве, несправедливой дискриминации, толерантности и даже научной обоснованности своих убеждений, тогда как другие (представители традиционных ценностей) требуют уважения традиционных ценностей, религиозных норм, ссылаются на потенциальные демографические угрозы и т.д. Если признавать чью-либо свободу чисто механически, т.е. только свободу того, в чью свободу вторглись и которую нарушили, тогда это будет преимущество первого, т.е. того, кто первый сформировал какую-либо практику социального взаимодействия и на этом лишь основании обладает преимуществом

по отношению ко второму, а значит, и свобода его подлежит признанию и защите. Такая практика, как представляется, не будет иметь ничего общего с рациональным эгалитаризмом. Как отметил акад. А.А. Гусейнов, «совершенно ложным является представление о праве как механическом, бездушном механизме общественной жизни»¹⁸.

Дабы исключить возможность произвольного ограничения свободы или вторжения произвольной свободы в свободу правовую, на наш взгляд, свобода должна исходить из определенного основания — императива сохранения природы человека и быть выражена исключительно в равной форме. А именно в форме официального нормативного и общеобязательного предписания (акта государства), на основе которого обеспечивается равное и нормативное распределение свобод, основанных на императиве сохранения природы человека. То есть наличие определенного императива в сути свободы предполагает, с одной стороны, обеспечение правовых гарантий, направленных на создание равных фактических возможностей для устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого человека, с другой — недопущение произвольного установления каких-либо необоснованных (необъективных) преимуществ (привилегий и иммунитетов).

Только равная форма преобразует свободу, основанную на императиве сохранения природы человека, в *правовую свободу*, тем самым создавая рациональные основания для равенства в свободе.

Следовательно, свобода, исходящая из требований права, — не юридическое дозволение, основанное на природе человека и ограниченное только свободой другого человека (в духе естественного права); а выраженное в равной форме дозволение, основанное и ограниченное императивом сохранения природы человека. Отсюда следует, что претензия каждого человека на признание его свободы в качестве правовой зависит от соотносимости такой свободы с императивом сохранения природы человека и соответствия ему.

В конечном счете, с одной стороны, обеспечивается рационализация свободы, а именно мера свободы, лежащая в основе равной формы, приобретает определенность, зависимость от конкретного императива, тем самым купируется возможность произвольного установления и интерпретации свободы, с другой стороны, посредством равной формы обеспечивается рациональное распределение (планирование) правовых свобод, а также уравнивание и подчинение всех единой (одинаковой) нормативной форме.

Рассмотрим в данном контексте другой условный пример, приведенный В.С. Соловьевым, — о «египетском фараоне», который якобы принял решение, «чтобы все еврейские новорожденные младенцы мужского пола были умерщвляемы»¹⁹. По его мнению, указанное решение являлось неправовым не потому, что относилось только к «одним евреям и к одному мужескому полу», поскольку такое решение вполне могло быть принято и в отношении «египетских новорожденных обоого пола, не исключая и фараоновых детей», а потому, что такое решение «не соответствовало не форме справедливости только, а ее реальному существу, которое вовсе не связано с отвлеченным понятием равенства вообще»²⁰. В конце своего умозаключения

¹⁶ Кант И. Метафизика нравов. Ч. I. Метафизические начала учения о праве [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 27.07.2020).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Философия права Пятикиндия: сб. ст. / сост. П.Д. Баренбойм; отв. ред.: А.А. Гусейнов, Е.Б. Рашковский. М., 2012. С. 10.

¹⁹ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 101.

²⁰ Там же.

В.С. Соловьев задается следующим вопросом: «право, как выражение справедливости, не входит ли всецело в область нравственную?»²¹, — и в итоге приходит к выводу о том, что право «есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»²².

В приведенном примере обоснованно обращается внимание на важный признак права, а именно на сущность правового закона. В контексте рассматриваемой свободы, содержащей в своей основе неизменный императив сохранения природы человека, не может выступать выражением свободы то, что ведет к истреблению и разрушению, к извлечению каких-либо необоснованных преимуществ, т.е. то, что несовместимо с устойчивыми процессами жизнедеятельности и развития человека как социальных потребностей, вытекающих из императива сохранения природы человека. Таким образом, утверждение о том, что через установление формального (а не рационального) равенства в свободе возможно достичь общей свободы, а значит, и права, является неприемлемым. Как уже было отмечено выше, такое отношение к праву допускает включение в закон любого произвольного содержания: суверен может издавать законы, которые будут соответствовать принципу равенства всех перед законом, и можно предположить, что благодаря такому равенству будет достигнута всеобщая свобода. Однако в таком случае также не исключается возможность издания сувереном законов, которые будут распределять свободы произвольно и содержать иное равенство в свободе — несущее не пользу, а вред, основанное не на сохранении природы каждого, а на выборочном ограничении свободы кого-либо. То есть наличие произвольного начала в содержании закона, даже если он соответствует принципу равенства, не всегда предполагает соответствие праву. Отсутствие конкретной правовой сущности в основе закона, а равно наличие элемента произвольности в свободе свидетельствует не о правовом законе, а наоборот, о неограниченной свободе, о нарушении требований права.

Следовательно, в случае вторжения лица в чью-либо свободу надлежит установить, соответствует ли поведение данного лица правовой свободе (равной форме свободы, основанной на императиве сохранения природы человека), или оно исходит из произвольных (неправовых) свобод. Соответственно, поведение, исходящее из произвольных свобод, не может быть признано правовым.

* * *

Предпринятый в статье анализ гипотезы о разумном равенстве в свободе есть попытка демонстрации объективного предназначения права как явления, аксиологические, онтологические и гносеологические аспекты которого не ограничиваются только лишь его (права) восприятием как формального регулятора общественных отношений в духе позитивизма или как абстрактной свободы, ограниченной только свободой других лиц, — в духе юснатурализма.

Наличие определенного императива (сохранения природы человека) в основе свободы свидетельствует о присутствии рационального основания (сущности) в праве, не допускающего возможности произвольного наполнения и интерпретации содержания свободы и, следовательно, юридического эгалитаризма. Императив сохранения природы человека как рациональное основание свободы является

для юридического эгалитаризма фундаментальным принципом, преобразующим его в правовое качество и позволяющим отличить его от интерпретации эгалитаризма в других версиях.

Благодаря рациональному равенству исключается установление тотального, поголовного (неразумного) эгалитаризма, основанного на всеобщей уравниловке) и т.д., а также искореняется восприятие эгалитаризма в праве только как равенства всех перед законом, вместо этого устанавливается равная свобода, основанная на императиве сохранения природы человека. То есть свобода, содержание которой базируется не на какой-то сверхчеловеческой реальности, метафизических мировоззрениях или, наоборот, исключительно эмпирическом (иррациональном) опыте, а на определенных рациональных знаниях об особенностях и закономерностях жизнедеятельности и развития человека и общества, выведенных в процессе разумного отбора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право, сущностные признаки которого исходят из приведенного выше основания свободы — императива сохранения природы человека, реализуемого на основе равной формы, может быть интерпретировано с иной точки зрения — *рационально-эгалитарной*, базирующейся на обеспечении рационального равенства в процессе регуляции общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Вып. 1. Т. 21. С. 61–77.
2. Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 98.
3. Жуков В.Н. Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 305.
4. Кант И. Метафизика нравов. Ч. I. Метафизические начала учения о праве [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 27.07.2020).
5. Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи). Волгоград, 2005. С. 5, 26.
6. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 28.
7. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2015. С. 29, 30.
8. Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 20.
9. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 15.
10. Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск; М., 2001. С. 16, 20, 101.
11. Философия права Пятикнижия: сб. ст. / сост. П.Д. Баренбойм; отв. ред.: А.А. Гусейнов, Е.Б. Рашковский. М., 2012. С. 10.

REFERENCES

1. Gilmullin A.R. Preservation of humanity as the fundamental basis of law // Antinomies. 2021. Issue 1. Vol. 21. P. 61–77 (in Russ.).
2. Hobbes T. Essays: in 2 vols. M., 1991. Vol. 2. P. 98 (in Russ.).
3. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2019. P. 305 (in Russ.).
4. Kant I. Metaphysics of morals. Part I. Metaphysical principles of the doctrine of law [Electronic resource] // Civil society in Russia:

²¹ Соловьев В.С. Указ. соч.

²² Там же.

- scientific electronic library. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (accessed: 27.07.2020) (in Russ.).
5. *Lazarev V.M., Fedorova V.G.* The principle of legal equality and legal responsibility (problems of methodology and theory of interrelation). Volgograd, 2005. P. 5, 26 (in Russ.).
 6. *Malakhov V.P.* Nature, content and logic of legal consciousness: abstract ... Doctor of Law. M., 2001. P. 28 (in Russ.).
 7. *Nersesyants V.S.* General theory of law and the state: M., 2015. P. 29, 30 (in Russ.).
 8. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2005. P. 20 (in Russ.).
 9. General theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. 3rd ed., reprint and add. M., 2001. P. 15 (in Russ.).
 10. *Soloviev V.S.* Law and morality. Minsk; Moscow, 2001. P. 16, 20, 101 (in Russ.).
 11. Philosophy of Law of the Pentateuch: collection of articles / comp. P.D. Barenboim; ed.: A.A. Guseynov, E.B. Rashkovsky. M., 2012. P. 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГИЛЬМУЛЛИН Айнур Разифович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

GILMULLIN Ainur R. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia